

А.А. Козлов

Свое слово

Том V

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

A11 **А.А. Козлов**
Свое слово: Том V / А.А. Козлов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 172 с.

ISBN 978-5-458-04920-7

Сборник, который философ-спиритуалист А.А. Козлов - один из первых представителей персонализма в России, начал выпускать вместо выходившего ранее журнала «Философский трехмесячник». Как и предшествующее издание, « Свое слово» состоит исключительно из статей самого автора. В этих публикациях он в итоговой форме формулирует свои философские взгляды, в которых развивает концепцию панпсихизма.

ISBN 978-5-458-04920-7

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:

Стр. 53 строка 1 (снизу)
разогрѣлся
,, 86 19 или

Читать:

разогрѣлся
не читать.

БЕСѢДА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Въ разговорѣ съ Синайскимъ, Красоткинымъ и Постполовымъ Сократъ объясняетъ, что понятіе движения можетъ быть разсматриваемо съ трехъ точекъ зренія: 1) метафизической, где оно состоитъ изъ актовъ нашего общенія и взаимодействія со всѣми другими субстанціями міра въ ихъ метафизической связи другъ съ другомъ; 2) психологической, где оно состоитъ въ смыслахъ сознаваемыхъ нами ощущеній и ихъ ассоціацій другъ съ другомъ и съ другими психическими состояніями и, наконецъ, 3) физической, где оно состоитъ въ перемѣнѣ положенія и места въ пространствѣ. Первое понятіе движения есть источникъ второго, а второе источникъ третьаго. Терминомъ-же: движение, выражается собственно 3-я точка зренія, а въ первыхъ двухъ его употребленіе метафорическое. Причина того, что метафизическая наша связь и общеніе съ другими субстанціями не отражается прямо въ нашемъ сознаніи, заключается въ нашей ограниченности, которая обнаруживается въ узости и недостаточной интенсивности человѣческаго сознанія. При этомъ Сократъ объясняетъ понятіе технической или исторической системы, которая можетъ служить подобиемъ нашей метафизической связи съ другими субстанціями міра. Далѣе разговоръ переходитъ собственно къ физическому движению и къ заключающемуся въ этомъ понятіи, противорѣчію, которое было вскрыто еще въ древности элейскимъ философомъ Зенономъ. Доказывая, что аргументы Зенона противъ понятія физического движения основательны, Сократъ думаетъ, что противорѣчіе, вскрытое имъ, можетъ быть устранено указаніемъ на источникъ, изъ которого оно происходитъ.

Утромъ въ субботу тотчасъ послѣ чаю я вмѣстѣ съ Сократомъ и другими гостями Карамазовыхъ поѣхали въ Петербургъ. Когда мы, взявши билеты, усѣлись въ одинъ вагонъ и поѣздъ тронулся, то Синайскій обратился къ Сократу съ вопросомъ:

„Я не могу хорошошенько понять вашего мнѣнія о нашей ощущающей и двигательной дѣятельности. Иногда мнѣ кажется, что у васъ это только два слова для одного и того же, а иногда вы, повидимому, ихъ различаете. Мнѣ уже давно хочется попросить у васъ объясненія на счетъ этого пункта“.

Сократъ. Вашъ вопросъ въ сущности касается понятія движенія, въ которомъ совпадаютъ *три* точки зрењія на одно и то же, а именно: *метафизическая*, *психологическая* и *физическая*. Самая важная точка зрењія, конечно, метафизическія, потому что ею объясняются двѣ другія, составляющія какъ бы ея отраженіе. Съ метафизическіей точки зрењія, движеніе есть не что иное, какъ акты общенія и взаимодѣйствія субстанцій въ ихъ обще-мировой связи. Съ психологической точки зрењія, движеніе есть не что иное, какъ соответствующая этому метафизическому взаимодѣйствію *силы* въ нашемъ сознаніи ощущеній и ихъ ассоціацій другъ съ другомъ, а также и съ сопровождающими ихъ чувствами и мыслями. Съ физической точки зрењія, движеніе есть не что иное, какъ *феноменъ* перемѣны мѣста матеріальными вещами въ пространствѣ. Что-же касается до общаго термина: движеніе, то онъ взять собственно изъ области физической, но уже издавна прилагается иносказательно и въ области психологической, какъ, напр., въ выраженіяхъ: потокъ, теченіе мыслей, движение чувствъ и т. под. Конечно, можно и теперь безъ всякаго сомнѣнія употреблять этотъ терминъ въ метафизическому и психологическому смыслѣ, но, однако, не забывая, что это употребленіе есть не болѣе, какъ *метабора*.

„Метафизическое движеніе или взаимодѣйствіе въ обще-мировой связи не дано въ нашемъ первоначальномъ сознаніи такъ непосредственно, какъ даны мы сами себѣ и акты нашей дѣятельности, а

потому, мы можемъ дѣлать о немъ выводы и заключенія на основаніи только болѣе или менѣе правильного истолкованія перемѣнъ въ состояніяхъ нашего сознанія вообще. Эти заключенія тѣмъ болѣе могутъ подвергаться ошибкамъ, что, по нашему несовершенству, *сила* или *энергія актovъ* нашего сознанія весьма *ограничenna* и *сфера* каждого отдельнаго акта чрезвычайно узка, такъ что большая часть нашихъ движений или нашего метафизического общенія съ другими существами остаются безсознательными; значитъ, должны быть дополнены или угадываемы путемъ болѣе или менѣе правильныхъ гипотезъ и заключеній изъ нашего опыта, т. е. фактовъ какъ первоначальнаго, такъ и сложнаго сознанія. Такъ, напр., даже общеніе наше съ тѣми тѣсно связанными съ нами субстанціями, значкомъ которыхъ служить наше тѣло, протекаетъ для насъ большею частью безсознательно, каковы, напр., всѣ наши растительныя функціи или какова, напр., дѣятельность нашей души въ постройкѣ нашего тѣла. Въ знаніи объ этомъ предметѣ мы должны ограничиться только весьма не полными и шаткими теоріями...

Красоткинъ (съ досадою). Ну, ужь извините меня! Просто невыносимо слушать эту философскую ерунду! Да кто-же вамъ сказалъ, что ваша фантастическая душа строить тѣло.

Сократъ. Такъ какъ вы не признаете души, то, конечно, для васъ всего естественнѣе, что атомы или молекулы вещества въ своихъ вихреобразныхъ *кадрилляхъ* и *вальсахъ* случайно образуютъ тѣло. Но для меня, который признаетъ *дѣйствительность души*, немыслимо, чтобы она не принимала никакого участія въ координації, поддержкѣ, усовершенствованіи функцій тѣхъ существъ, которыхъ съ нею тѣсно связаны и служатъ ей въ качествѣ орудій для ея взаимодѣйствія съ болѣе отдаленными по отношенію къ ней существами въ мірѣ. Для меня немыслимо, что-бы душа спала мертвымъ сномъ тогда, какъ образуется и группируется ея тѣло. По крайней мѣрѣ, наши ежедневныя, ежеминутныя сознательныя заботы о нашемъ тѣлѣ, о *правильности* его функцій (пища, жилище, лекарство и т. п.) и *соответствии* ихъ съ нашимъ

жизнью ведутъ меня къ умозаключенію, что душа каждого изъ насъ дѣйствовала точно также и тогда, когда эти ея дѣйствія имѣли столь сравнительно низшую интенсивность, что не были сознаваемы, а потому и не вспоминаются, хотя и не исчезли въ ничто и всегда сохраняютъ за собою право стать объектомъ нашей мыслящей функции и быть сознаваемыми, вспоминаемыми и понимаемыми въ формѣ болѣе или менѣе ясныхъ понятій.

Когда Сократъ произнесъ эти слова, то Калгановъ, слушавшій разговоръ стоя, такъ какъ на двухъ скамеекахъ сидѣли Сократъ съ Синайскимъ и я съ Красоткинымъ, вдругъ наклонился къ послѣднему и сказалъ: „Будетъ Вамъ, Николай Ивановичъ, слушать эти басни! пойдемте-ка въ тотъ конецъ вагона, я вамъ тамъ кое-что покажу“; и, подхвативъ Красоткина подъ руку, Калгановъ подошелъ съ нимъ къ какому-то пассажиру, котораго я, по близорукости, не могъ разсмотретьъ, а Сократъ съ Синайскимъ и совѣтъ не могли видѣть, потому что сидѣли къ нему задомъ. Тогда Синайскій просилъ Сократа, не дожидаясь Калганова и Красоткина, продолжать начатую рѣчь, такъ какъ ему, Синайскому, чрезвычайно интересно слышать объ отраженіи въ нашемъ сознаніи метафизическихъ отношеній между нами и другими субстанціями.

Сократъ. Такъ какъ, при узости нашего сознанія, въ каждомъ его актѣ отражается только ничтожный отрывокъ нашей связи со всѣми субстанціями міра, то мы въ теченіе всей нашей жизни послѣдовательно переходимъ отъ одного звена *всей цепи этой мировой связи* къ другому. Отсюда происходитъ, что въ каждомъ пункѣ этого перехода и движенія измѣняются *перспектива* и *явленія* нашего сознанія, а между тѣмъ, какъ мы уже видѣли это, бесѣдуя о времени, все дѣйствительное бытіе и дѣйствительный міровой процессъ со всѣми его отношеніями причинъ, слѣдствій, цѣли и средствъ уже готовъ безвременно. Поэтому каждый клочекъ мірового цѣлага, освѣщающійся тѣмъ или другимъ актомъ нашего сознанія, необходимо мыслится въ видѣ того идеяного временнаго пункта, который называется словомъ:

„теперь“. Два-же другіе и тоже идеинные, соотносительные съ нимъ, пункты называются словами: „прежде“ и „послѣ“. Въ этихъ двухъ пунктахъ мыслится вся остальная мировая дѣйствительность, не освѣщаемая наличнымъ сознаніемъ. Въ пункте: „прежде“, помѣщается все то, что соответствуетъ понятію воспоминанія и что дано въ менѣ яркомъ сознаніи того-же содержанія, которое гораздо живѣе сознается въ пункте „теперь“. Въ пункте „послѣ“ или „потомъ“ помѣщается все то, что соответствуетъ понятію ожиданія и что сознается въ болѣе или менѣе яркомъ образѣ фантазіи или воображенія того-же самаго, что первоначально также сознается въ пункте: „теперь“, а потомъ, говоряfigурально, погружается въ пунктъ: „прежде“. Значить, наши „теперь, прежде и послѣ“ съ различными мыслимыми въ нихъ содержаніями соответствуютъ разныемъ особыимъ звеньямъ уже безвременно готовой цѣпи, или *точилье спицы*, координированныхъ между собою въ міровомъ цѣломъ субстанцій съ ихъ актами. Отсюда мы имѣемъ право на заключеніе, что отражающееся въ сознаніи наше метафизическое движение отъ одного единичнаго элемента этой сѣти къ другому можно понимать по аналогии съ нашими техническими или историческими системами, гдѣ всегда къ одному отдѣльному явлению или событию временно прымкаетъ другое то же единичное явленіе или событие, третье, четвертое и т. д.

Синайскій. Поясните, пожалуйста, примѣромъ, что вы разумѣете подъ *техническими* или *историческими* системами и подъ аналогіей между ними и метафизическими движениемъ отъ одного элемента міровой связи къ другому и отраженія этого движения въ сознаніи.

Сократъ. Прежде всего примѣромъ исторической системы можетъ служить всякий исторический разсказъ, а также драма, романъ и проч. Сюда же принадлежать и разнаго рода техническіе учрежденія и процессы, напр., фабрика, канцелярія, музыкальный концертъ и проч. и проч. Здѣсь вездѣ всякий составной элементъ системы индивидуаленъ и входитъ въ частное свое, а затѣмъ и въ міровое цѣлое на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, обусловленномъ единствомъ этого цѣла. При

этомъ должно не забывать, что каждое существо, следовательно, и вѣс мы входимъ въ это цѣлое не только какъ зрители, но, главное, какъ дѣятели, такъ что, подобно пѣвцамъ въ концертѣ или музикантамъ въ оркестрѣ, каждый поетъ свою партію и разыгрываетъ свои ноты. Повидимому и для поверхностнаго взгляда профановъ, каждый дѣлаетъ это независимо оть другихъ и произвольно: но, какъ знаемъ это мы, посвященные въ порядокъ дѣла, каждый и начинается, и кончается, и присоединяется къ тѣмъ или другимъ голосамъ или инструментамъ, а также и умолкаетъ или дѣлаетъ паузы; — все это каждый дѣлаетъ вовсе не *ad libitum* и случайно, а строго систематически, сообразно духу и содержанию цѣлой симфоніи или пѣсни, уже давно созданной и оконченной ея композиторомъ. Точно также и для каждого участника въ міровомъ концертѣ его мѣсто и роль опредѣлены сообразно съ вѣчно готовымъ міровымъ цѣлымъ; но въ измѣнчивой перспективѣ его узенъкаго индивидуального сознанія, этому каждому участнику, не посвященному въ систему и гармонію цѣлаго, кажется, что онъ какъ будто бы совершенно случайно и даже произвольно дѣлаетъ свои дѣла въ мірѣ. Но болѣе осмысленное отношеніе къ пережитому опыту и безчисленныи иллюзіи и ошибки, случающіяся съ нами въ жизни, могутъ убѣдить каждого мыслящаго человѣка, что въ силу причинной—или, что все равно, телологической—связи между всѣми звеньями міровой стѣ въ теченіи міра царствуетъ необоримая необходимость и что, следовательно, все то, что уже прошло въ прошедшемъ, не можетъ быть мыслимо не совершившимъ и что порядокъ всѣхъ событий и явлений въ прошедшемъ долженъ быть понимаемъ непреложнымъ и роковымъ. Отсюда мы ни подъ какимъ видомъ не можемъ допустить перемѣщенія событий во временномъ порядке, хотя онъ и имѣетъ свое основаніе и силу только въ нась и для насъ. Нельзя, напр., произвольно поставить на мѣсто Юля Цезаря и римской имперіи Наполеона I и французскую имперію. „Но еще гораздо болѣе считаемъ мы не упорядоченнымъ и вполнѣ подлежащимъ случаю и нашему произволу будущее, хотя горькій опытъ

заставляетъ насъ усомниться въ этой кажущейся его беспорядочности и случайности и прийти къ болѣе или менѣе ясному убѣждѣнію, что и будущее столь-же непреложно упорядочено, какъ и прошедшее. Особенно-же это убѣжденіе вызывается тѣми многочисленными случаями, когда мы торжественно подносимъ къ своимъ устамъ заранѣе съ большими усилиями и жертвами подготовленную чашу счастія и радости и когда въ тотъ-же моментъ какой-то таинственный рокъ безжалостно вышибаетъ ее изъ рукъ и проливается. Въ этомъ безвременно упорядоченномъ міровомъ теченіи, которое ни подъ какимъ видомъ нельзя символизировать безконечною прямую линію, а окружностью, въ которой нѣтъ ни начала, ни конца, а всего вѣрнѣе, пожалуй, шаромъ, уже также безвременно существуютъ всѣ пункты нашего метафизического движения въ координаціи со всѣми пунктами такого-же движения другихъ существъ и освѣщаются отдѣльными актами нашего сознанія во всѣхъ его функціяхъ. Но, къ сожалѣнію, эти метафизическія звенья нашей міровой связи отражаются въ сознаніи весьма не-полно и отрывочно, а потому метафизическое истолкованіе явлений нашего сознанія не легко, такъ какъ въ него входятъ сложные выводы изъ трудно провѣряемыхъ предположеній. Поэтому весьма было-бы удобно воспользоваться понятіями Аристотеля для выраженія отношеній между двумя областями, въ которыхъ терминъ движения употребляется въ переносномъ смыслѣ и сказать, что метафизическое движение есть „первое по природѣ“, а психологическое есть „первое для насъ“. По этому „первому для насъ“, данному непосредственно въ сознаніи, мы должны построить путемъ спекулятивного мышленія „первое по природѣ“, не данное непосредственно въ сознаніи. Теперь-же я могу перейти...

На этихъ словахъ рѣчь Сократа прервали Калгановъ и Красоткинъ уже нѣсколько минутъ подслушивавшіе ее. Они вмѣстѣ съ Проспѣловымъ, оказавшимся пассажиромъ, сидѣвшимъ въ другомъ концѣ вагона, тихоонько пододпли къ намъ, дѣлая мнѣ руками знаки, чтобы я ничего не говорилъ Сократу, занятому разговоромъ, обѣ ихъ присутствій.

„Извините Сократъ Ивановичъ“, сказалъ, обращаясь къ нему, Калгановъ, „что я нарушаю вашу бесѣду, желая ввести въ нее по-ваго собесѣдника, уже знакомаго вамъ профессора, Постпѣлова“.

Постпѣловъ, поздоровавшись съ нами, съ своей стороны, также извинился въ нарушеніи бесѣды и просилъ Сократа продолжать свою рѣчъ съ того пункта, на которомъ его прервали. Затѣмъ Красоткинъ сѣлъ на свое старое мѣсто рядомъ со мною, а Калгановъ съ Постпѣловымъ сѣли на пустыхъ концахъ двухъ скамеечекъ противоположной стороны.

Сократъ (нѣсколько смущившись и обращаясь къ Постпѣлову). Собственно говоря, я хотѣлъ повести рѣчъ о новомъ пункте въ томъ вопросѣ, о которомъ мы разсуждали съ Петромъ Семеновичемъ, а потому вы, въ сущности, не прервали нити нашего разговора (Обращаясь къ Синайскому). Позвольте, кстати, мнѣ воспользоваться весьма удобнымъ случаемъ для иллюстраціи одного пункта нашего теперешняго разговора. Вотъ, сейчасъ произошло метафизическое движеніе, состоящее въ нашемъ переходѣ отъ одного звена въ общемировой связи и взаимодѣйствія нашихъ субстанцій съ субстанціями трехъ нашихъ почтенныхъ знакомыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соотвѣтствующая этому метафизическому переходу психологическая перемѣна въ нашемъ сознаніи, т. е. появленіе въ немъ зрительныхъ и осязательныхъ образовъ ихъ тѣль, а также и нашихъ умозаключеній объ ихъ мысляхъ и чувствахъ, сдѣланныхъ на основаніи звуковъ и словъ, отнесенныхъ нами къ нимъ, какъ причинамъ, произведшимъ эти слова и звуки и тому подобное.

Калгановъ. Ну, господа, видите-ли, какъ у него *умъ за разумъ* запелъ. Да какая-же тутъ метафизика, когда вы собственными глазами видите, что, вотъ, тутъ, на этомъ мѣстѣ, къ вамъ подошли три человѣка, которыхъ вы можете, если хотите, не только видѣть, но даже ощущать. И какое еще нашли вы звено общемировой связи въ томъ, что знакомые люди повстрѣчались въ вагонѣ. А когда въ Петербургѣ всѣ разъѣдемся по домамъ, то и звено распадается! Хо-

ропа-же міровая связь изъ такихъ звеньевъ! (Къ Поспѣлову). Что вы скажете на это, профессор!

Поспѣловъ (Калганову). Полагаю, что и безъ моего посредничества вы сами можете объясниться съ Сократомъ Ивановичемъ, а я, можетъ быть, обращусь къ нему съ своимъ собственнымъ вопросомъ.

Сократъ (Калганову). Да, вѣдь, я ужъ вамъ тысячу разъ говорилъ, что дѣйствительныхъ субстанцій нельзя ни видѣть, ни ощущать, ни обнюхивать. (Махнувъ рукой и обратившись къ Поспѣлову). Впрочемъ, онъ спрашиваетъ, такъ сказать, только для зубоскальства и разсыпается или нѣтъ звенья міровой связи и существуетъ ли она—это его нисколько не интересуетъ. А, вотъ, мнѣ интересно было бы узнать, съ чѣмъ вы сами желали бы обратиться ко мнѣ.

Поспѣловъ. Да, если позволите, я сдѣлаю одно замѣчаніе. Мнѣ кажется, что вмѣсто метафизическихъ предположеній объ источникахъ движения нужно было бы обратиться съ вопросомъ объ его сущности въ точными науками, гдѣ съ полною ясностью и обстоятельностью дано и опредѣленіе этого явленія, и изслѣдованы законы всѣхъ формъ его, напр., къ механикѣ и къ физикѣ. Метафизическія же гипотезы могутъ оказаться карточными домиками, а законы движения, изслѣдуемые точными науками, непреложны, ибо они подтверждаются такими несомнѣнными и поразительными фактами, каковы, напр., предвидѣнія астрономами тѣхъ мѣстъ, которыхъ будутъ занимать небесныя свѣтила спустя десятки и сотни лѣтъ. Вотъ эти-то науки и даютъ намъ точное опредѣленіе движения, по которому оно есть не что иное, какъ перемѣна мѣстъ тѣлами въ пространствѣ съ тою или другою скоростью, а тѣла даны намъ въ нашемъ чувственномъ опыте. Конечно, говоря о движениіи, мы соприкасаемся и съ областью психологіи, но мнѣ кажется, въ отношеніи къ движенію, психологія занимаетъ второстепенное мѣсто для его объясненія, а первое принадлежитъ физикѣ и механикѣ. Что-же касается до метафизики, то, по моему, безъ нея и совсѣмъ можно обойтись, ибо метафизической пере-